

Реалии российской преступности и борьбы с ней имеют ряд характерных особенностей. Некоторые особенности в той или иной мере свойственны криминогенным реалиям других стран постсоветского пространства и даже мира в целом.

Первая особенность. В стране, как и в мире в целом, идет процесс привыкания населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым и особо опасным формам – организованной, террористической и коррупционной. Вспышки возмущения в СМИ мимолетны, не влекут за собой никаких серьезных выводов и уж тем более реальных мер-последствий. Преступность приводит в негодование многих только тогда, когда они оказываются потерпевшими. Осознание обыденности криминала порождает безысходность и понимание бесполезности борьбы с ним.

Вторая особенность. В кино, прессе, на телеэкране, а также в Интернете непрерывно мелькают криминальные картины, различного рода шоу, журналистские "расследования" и ужасы реальной действительности, что у раскрепостившегося народа вызывает массовый интерес. Современная пресса, кино, телевидение, поп-культура и Интернет пытаются вернуть человека к примитивному исходному состоянию. Основным критерием успешности кино и телевидения являются не ближайшие и отдаленные криминальные и аморальные разрушительные последствия, а рейтинг и прибыль.

Третья особенность. Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения утилитарна: корысть, различные формы личной выгоды, власть, месть, секс и т.д. Суть побуждений не изменилась с библейских времен, только чрезвычайно упростилась и усилилась. Удельный вес корысти в преступном поведении достиг апогея – 80–90% и более. Процесс "окорыствования" общественных (экономических, социальных, политических, правовых) отношений продолжается.

Грядущие поколения найдут путь к миру и согласию. Но прежде стоит внимательно изучить прошлое, чтобы понять, почему это не удалось человечеству раньше.

Четвертая особенность. За прошедшее столетие уровень преступности в среднем увеличился на порядок. Ежегодно в мире совершается до 450–500 млн преступлений на 7 млрд населения. Это около 8 тыс. деяний на 100 тыс. населения. Реальная преступность выше по меньшей мере вдвое. В некоторых мегаполисах Европы уже регистрируется до 16 тыс. и более преступлений на 100 тыс.

населения. Латентная преступность даже в самых организованных обществах сравнима с регистрируемой или превышает ее. В нашей стране она оценивается соотношением 1: 5, т.е. на одно учтенное деяние приходится 4-5 латентных преступлений, а следовательно, безнаказанных. Однако то, что преступление было учтено, вовсе не означает, что виновное лицо будет наказано. В этом случае удельный вес безнаказанности в структуре реальной преступности может достигать 90%. Безнаказанность поощряет преступность.

Пятая особенность. Параллельно с ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведение в ранг преступления) все новых и новых видов общественно опасного поведения. При этом законодательная деятельность не обеспечена серьезными научными исследованиями, законопроекты не проходят криминологической экспертизы (на их обоснованность и криминогенность), непрерывные и зачастую противоречивые изменения и дополнения законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, не имеют продуманного концептуального подхода.

Процесс адаптации уголовного законодательства к меняющейся криминологической обстановке, если это научно обосновано и юридически проработано, а не ориентировано на интересы криминальных кругов, закономерен. Однако когда криминализация в 3-4 раза превышает декриминализацию, требуется серьезное криминологическое осмысление. Государственным органам не под силу взять под контроль беспредельно расширяющуюся сферу уголовно наказуемого поведения.

Шестая особенность. В то время как интенсивно криминализируются новые деяния, совершаемые рядовыми гражданами зачастую от безысходности, общественно опасные деяния, совершаемые представителями политической, экономической и правящей элиты, в ранг преступлений не возводятся.

Седьмая особенность. Интенсивное расширение сферы уголовно наказуемого поведения расценивать как укрепление правопорядка ошибочно. Сфера уголовно наказуемого поведения должна быть ограничена наиболее опасными деяниями. Российская система уголовной юстиции плохо справляется даже с выборочно регистрируемой преступностью, а под грудой реально совершаемых деяний (уголовных дел) она и вовсе рухнет.. Нужны иные подходы, другие стратегии в борьбе с преступностью. Но их, к сожалению, нет. Стратегия предупреждения преступности фактически перестала существовать в процессе перестройки и рыночных реформ. Федеральные программы по усилению борьбы с преступностью, которые хотя и носили формальный характер, но принимались в 1990-е гг., также остались в прошлом.

Восьмая особенность. Кто же эти пойманные преступники? По данным МВД России, в 2019 г. из 1,3 млн выявленных правонарушителей 60,3% – это лица, не имеющие постоянного источника дохода, 21,7% – совершили преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 28,8% – ранее совершали преступления, 13,8% – женщины (идет процесс феминизации преступности), 11,6% – несовершеннолетние, 3,4% – совершили преступления в составе организованных групп или преступных сообществ. Похожая статистика наблюдается и в последние годы. Таким образом, система уголовной юстиции нацелена в основном на бедные, слабо адаптированные, маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния.

В УПК РФ предусмотрены особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Согласно описанной в нем до предела усложненной процедуре от возможной уголовной ответственности фактически освобождены государственные должностные лица. Такого безграничного иммунитета в демократических странах нет. Общее число "неприкасаемых" приближается к 100 тыс. человек. Именно эта привилегия (а также большие возможности в ведении предпринимательской деятельности, поскольку запрет на нее существует лишь на бумаге) влечет предприимчивых преступников в органы представительной власти. Министры и другие должностные лица федерального уровня исполнительной власти в России не имеют законного иммунитета, однако привлечение их к уголовной ответственности сопряжено с большими трудностями. Такая практика серьезно подрывает конституционный принцип – все равны перед законом и судом – и является особо криминогенным обстоятельством.

Девятая особенность. Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные. Коэффициент поражаемости преступностью элитарных групп не ниже (или не намного ниже) коэффициента поражаемое самых неблагополучных слоев населения. Другой вопрос, что в каждом слое общества совершаются характерные для него преступления: образованные и высокопоставленные лица совершают интеллектуальные и трудно раскрываемые деяния, а представители низов общества – насильственные, нередко в условиях очевидности. Бедные и слабо адаптированные к жизни люди легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а представители власти и состоятельные граждане редко оказываются в орбите деятельности правоохранительных органов. Хотя именно в высших слоях общества причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству.

Краткий анализ тенденций преступности дает основания судить и о возможных

тенденциях борьбы с ней. Общим трендом этой борьбы является заметное снижение социально-правового контроля преступности в силу социально-правовой беспомощности перед криминалом и непродуманной гуманности к опасным преступникам в России. Под знаменем демократии, свободы и прав человека стали решаться главным образом узкопартийные и своекорыстные задачи. Достаточно вспомнить неоднократное вето, налагаемое на законы о борьбе с организованной преступностью, коррупцией и о контроле за доходами должностных лиц под предлогом, что их применение якобы нарушает права на неприкосновенность частной жизни чиновников и их семей. Или исключение из УК РФ конфискации по экономическим преступлениям, которая есть во всех уголовных кодексах европейских стран и в международных конвенциях, подписанных и ратифицированных Россией.

Опыт стран Западной Европы, где установлен строгий государственный контроль за соблюдением законов должностными лицами, был полностью проигнорирован. И эта тенденция (лишь с незначительным улучшением ситуации) прослеживается до сих пор.

Необходимо исходить из того, что контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности – одним из самых важных, но средств его достижения. Без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, успешная реализация защиты прав личности невозможна.